

История справедлива к человеку не всегда и не каждому воздает по его заслугам...

Вряд ли римский полководец и государственный муж Луций Луциний Лукулл мог предположить, что его имя (не запятнанное, кстати, участием в многочисленных заговорах и интригах того времени) спустя тысячелетия станет нарицательным... в гастрономическом смысле!

Если же обратиться к трудам историков, то перед нами предстанет дальновидный политик и стратег, оказавший на историю древнего мира не меньшее влияние, чем его современники Сулла, Гней Помпей и Митридат Понтийский.

Именно в борьбе с Митридатом ярче всего проявился незаурядный гений полководца Лукулла, хотя судьбе было угодно отдать лавры победителя Помпею, который нанес строптивому понтийскому царю окончательное поражение.

Историк Плутарх посвятил Лукуллу одну из глав своей знаменитой книги «Сравнительные жизнеописания», отрывки из которой мы предлагаем вашему вниманию.

... Лукулл в молодые годы, прежде чем вступить на поприще государственной деятельности, добиваясь какой-либо должности, начал с того, что привлек к суду обвинителя своего отца, авгура Сервилия, уличая его в должностном злоупотреблении. Римлянам такой поступок показался прекрасным, и суд этот был у всех на устах, в нем видели проявление высокой доблести. Юношей, приняв участие в Марсийской войне, он сумел неоднократно выказать свою отвагу и сметливость. За эти качества и еще больше за постоянство и незлобивость Сулла приблизил его к себе и с самого начала постоянно доверял ему поручения особой важности; к их числу принадлежал, например, надзор за монетным делом. Во время Митридатовой войны большая часть монеты в Пелопоннесе чеканилась под наблюдением Лукулла и в честь его даже получила наименование «Лукулловой». Ею оплачивались необходимые закупки для военных нужд, и она быстро разошлась, а после долго имела хождение.

Когда Сулла оказался в таком положении, что, заседев в Афинах, он господствовал на суше, но на море хозяйничали враги, отрезая ему возможность подвоза продовольствия, он отправил Лукулла в Египет и Ливию, чтобы тот привел оттуда суда. Было это в самый разгар зимних бурь; на трех легких греческих суденышках и стольких же родосских ладьях с двумя рядами весел Лукулл пустился в открытое море, навстречу вражеским кораблям, которые повсюду во множестве бороздили море, пользуясь численным преимуществом. Все же ему удалось достигнуть Крита и привлечь его на свою сторону. Затем он явился избавителем для киренцев, город которых был приведен в тяжелое состояние беспрестанными смутами и войнами, и упорядочил их государственный строй...

Оттуда он отплыл в Египет. По дороге на римлян напали пираты, и Лукулл потерял большую часть своих судов, но сам спасся и торжественно высадился в Александрии. Навстречу ему вышел весь флот в великолепном убранстве, как это принято при возвращении царя. Юный Птолемей, наряду с другими знаками исключительного внимания к гостю, предоставил ему кров и стол в своем дворце; до того времени туда не допускался еще ни один чужеземный полководец. Средства на его содержание были отпущены вчетверо большие, чем обыкновенно, однако Лукулл не принимал ничего сверх необходимого. Он отказался также и от присланного царем подарка — а тот стоил целых восемьдесят талантов! По рассказам, он не стал ни посещать Мемфис, ни осматривать другие прославленные достопримечательности Египта, заметив, что это прилично делать досужему путешественнику, разъезжающему в свое удовольствие, а не тому, кто, как он, оставил своего полководца в палатке, в открытом поле, неподалеку от укреплений врага.

Луций Луциний Лукулл. Гравюра резцом. XVIII век.

«Вид форума в Риме». Иллюстрация из издания Исена «Римский форум». 1892 год.

Сулла самолично описал свои деяния и посвятил их Лукуллу, чтобы тот обработал этот текст и придал ему стройность. Сулла. Гравюра резцом. XVIII век.

Между тем Лукулл занялся городами Азии. Теперь, когда он освободился от военных забот, он хотел сделать так, чтобы и сюда пришли правосудие и законность — провинция была давно уже их лишена и терпела невероятные, несказанные бедствия. Откупщики налогов и ростовщики грабили и закабалили страну: частных лиц они принуждали продавать своих красивых сыновей и девушек-дочерей, а города — храмовые приношения, картины и кумиры. Всех должников ожидал один конец — рабство, но то, что им приходилось вытерпеть перед этим, было еще тяжелее: их держали в оковах, гноили в тюрьмах, пытали на «кобыле» и заставляли стоять под открытым небом в жару на солнцепеке, а в мороз в грязи или на льду, так что после этого даже рабство казалось им облегчением. Застав провинцию в столь бедственном положении, Лукулл сумел в короткий срок избавить этих несчастных от их притеснителей. Он начал с того, что запретил брать за ссуду более одного процента; далее, он ограничил общую сумму процентов размером самой ссуды; наконец, третье и самое важное его постановление предоставляло заимодавцу право лишь на четвертую часть доходов должника. Ростовщик, включавший проценты в сумму первоначального долга, терял все. Не прошло и четырех лет, как благодаря этим мерам все долги были выплачены и имения вернулись к своим владельцам незаложенными.

Успешно шли у Лукулла и все прочие дела, и он заслуживал этого — ведь он больше стремился к тем похвалам, которые воздаются за правосудие и

человеколюбие, нежели к тем, которыми награждают военные подвиги. Последними он в немалой степени был обязан войску, а еще более — судьбе, в первых же сказывалась его душевная кротость и отличное воспитание, и именно этими качествами Лукулл без оружия покорял чужеземные народы. Так, к нему явились царьки арабов, отдавая в его руки свои владения; к нему примкнуло также племя софенцев. У гордиенцев он вызвал такую преданность, что они хотели было оставить свои города и с женами и детьми следовать за ним. Причиной тому послужило вот что. Зарбиен, царь гордиенский, как уже говорилось, вел с Лукуллом через Аппия тайные переговоры о союзе, так как тяготился тираническим владычеством Тиграна. На него донесли, и он был казнен, причем вместе с ним погибли его дети и жена (это было еще до вторжения римлян в Армению). Лукулл не забыл об этом: вступив в страну гордиенцев, он устроил Зарбиену торжественные похороны, причем погребальный костер был украшен тканями, царским золотом и отнятыми у Тиграна драгоценностями; своими руками Лукулл зажег его и вместе с друзьями и близкими покойного совершил заупокойное возлияние, именую Зарбиена другом и союзником римского народа. По приказу Лукулла ему был также поставлен памятник, который стоил немалых денег, — ведь Лукулл нашел во дворце Зарбиена великое множество золота и серебра и три миллиона медимнов зерна, так что и солдатам было чем поживиться, и Лукулл заслужил всеобщее восхищение тем, что вел войну на средства, приносимые ею самой, не беря ни драхмы из государственной казны.

Триумф Лукулла не был, как другие, рассчитан на то, чтобы удивить чернью протяженностью шествия и обилием проносимых в нем предметов. Зато Лукулл украсил Фламиниев цирк великим множеством вражеского оружия и военными машинами царя, и уже одно это зрелище было на редкость внушительным. В триумфальном шествии прошли несколько закованных в броню всадников, десяток серпоносных колесниц и шестьдесят приближенных и полководцев царя; за ними следовали сто десять военных кораблей с окованными медью носами, золотая статуя самого Митридата в шесть футов высотой, его щит, усыпанный драгоценными камнями, затем двадцать носилок с серебряной посудой и еще носилки с золотыми кубками, доспехами и монетой, в количестве тридцати двух. Все это несли носильщики, а восемь мулов везли золотые ложа, еще пятьдесят шесть — серебро в слитках и еще сто семь — серебряную монету, которой набралось без малого на два миллиона семьсот тысяч драхм. На больших писчих досках значилось, сколько денег передано Лукуллом Помпею на ведение войны с пиратами, сколько внесено в казну, а сверх того — что каждому солдату выдано по девятьсот пятьдесят драхм. Затем Лукулл устроил великолепное угощение для жителей Рима и окрестных сел...

До сего времени счастье, можно сказать, сопутствовало Лукуллу в его походах, но отныне словно упал попутный для него ветер — таких трудов стоило ему каждое дело, с такими препятствиями приходилось сталкиваться повсюду. Он по-прежнему проявлял отвагу и твердость духа, достойные прекрасного полководца, но его новые деяния не принесли ему ни славы, ни благодарности. Мало того, в неудачных начинаниях и бесполезных раздорах он едва не растерял и свою прежнюю славу. Не последней причиной тому было его собственное поведение: он никогда не умел быть ласковым с солдатской толпой, почитая всякое угодение подчиненным за унижение и подрыв власти начальствующего. А хуже всего было то, что с людьми могущественными и равными ему по положению он тоже ладил плохо, глядел на всех свысока и считал ничтожествами по сравнению с собой. Да, такие недостатки, говорят, соседствовали с многочисленными достоинствами Лукулла, который был статным, красивым, искусным в красноречии и выказывал острый ум как на форуме, так и в походах.

Сенат возлагал на Лукулла необычайные надежды, рассчитывая найти в его лице человека, который, опираясь на свою огромную славу и влияние, даст отпор самовластию Помпея и возглавит борьбу лучших граждан. Однако Лукулл расстался с государственными делами. Быть может, он видел, что государство поражено недугом, не поддающимся исцелению, возможно также, что он, как полагают некоторые, пресытился славой и решил после стольких битв и трудов, которые увенчались не слишком счастливым концом, отдаться жизни, чуждой каких бы то ни было забот и огорчений.

В жизнеописании Лукулла, словно в древней комедии, поначалу приходится читать о государственных и военных делах, а к концу — о попойках и пирушках, чуть ли не о пьяных шествиях с песнями и факелами и вообще о всяческих забавах. Ведь к забавам следует отнести, по-моему, и расточительное строительство, расчистку мест для прогулок, сооружение купален, а особенно — увлечение картинами и статуями, которые Лукулл собирал, не жалея денег. На эти вещи он щедро тратил огромное богатство, накопленное им в

Полководцу Лукуллу пришлось провести немало времени в морских путешествиях. Участвовал он и в морских сражениях. Древнеримские суда. С гравюры XIX века.

Крепость древних римлян. С гравюры XIX века.

Слева. Римский воин-прачник. Справа. Ликтор с фасцией. Ликторы в Риме сопровождали должностных лиц. Фрагменты гравюр XIX века.

Марк Туллий Цицерон, близкий друг Лукулла. После того как Помпей сменил Лукулла на посту командующего римскими войсками в войне с Митридатом, Цицерон в своих речах подчеркивал, что вины Лукулла в этом нет. Офорт XVIII века.

походах, так что даже в наше время, когда роскошь безмерно возросла, Лукулловы сады стоят в одном ряду с самыми великолепными императорскими садами. К этому надо добавить постройки на побережье и в окрестностях Неаполя, где он насыпал искусственные холмы, окружал свои дома проведенными от моря каналами, в которых разводили рыб, а также воздвигал строения посреди самого моря.

Лукулл устраивал ежедневные пиры с тщеславной роскошью человека, которому внове его богатство. Не только застланные пурпурными тканями ложа, украшенные драгоценными камнями чаши, увеселительное пение и пляски, но также разнообразные яства и не в меру хитро приготовленные печенья вызывали зависть у людей с низменными вкусами. Как бы то ни было, Лукулл не только получал удовольствие от такого образа жизни, но и гордился им, что ясно видно из его памятных словечек. Так, сообщают, что ему случилось много дней подряд угощать каких-то греков, приехавших в Рим, и эти люди, в которых и впрямь проснулось что-то эллинское, засовестившись, что из-за них каждый день производятся такие расходы, стали отказываться от приглашения. Но Лукулл с улыбкой сказал им: «Кое-что из этих расходов делается и ради вас, достойные греки, но большая часть — ради Лукулла». Когда однажды он обедал в одиночестве и ему приготовили один стол и скромную трапезу, он

«Самым завидным в жизни Лукулла можно, пожалуй, считать ее завершение: он успел умереть раньше, чем в жизни Римского государства настали те перемены, которые уже тогда уготовлялись ему роком в междоусобных войнах, и окончил дни свои в отечестве, пораженном недугом, но еще свободном», — писал Плутарх.

рассердился и позвал приставленного к этому делу раба; тот ответил, что раз гостей не звали, он не думал, что нужно готовить дорогой обед, на что его господин сказал: «Как, ты не знал, что сегодня Лукулл угощает Лукулла?» Об этом, как водится, в городе много говорили. И вот однажды, когда Лукулл прогуливался на форуме, к нему подошли Цицерон и Помпей. Первый был одним из его лучших друзей, а с Помпеем, хотя у них и была распря из-за командования в Митридатовой войне, они часто встречались и беседовали, как добрые знакомые. После приветствия Цицерон спросил, нельзя ли к нему зайти; Лукулл ответил, что был бы очень рад, и стал их приглашать, и тогда Цицерон сказал: «Мы хотели бы отобедать у тебя сегодня, но только так, как уже приготовлено для тебя самого». Лукулл замялся и стал просить отсрочить посещение, но они не соглашались и даже не позволили ему поговорить со слугами, чтобы он не мог распорядиться о каких-либо приготовлениях сверх тех, какие делались для него самого. Он выговорил у них только одну уступку — чтобы они разрешили ему сказать в их присутствии одному из слуг, что сегодня он обедал в «Аполлоне» (так назывался один из роскошных покоев в его доме). Это было уловкой, при помощи которой он все же провел своих друзей: по-видимому, для каждой столовой у Лукулла была установлена стоимость обеда и каждая имела свое убранство и утварь, так что рабам достаточно было услышать, где он хочет обедать, и они уже знали, каковы должны быть издержки, как все устроить и в какой последовательности подавать кушанья. По заведенному порядку обед в «Аполлоне» стоил пятьдесят тысяч драхм; и на этот раз было потрачено столько же, причем Лукуллу удалось поразить Помпея не только величиной расходов, но и быстротой, с которой все было приготовлено. Вот на что Лукулл недостойно расточал свое богатство, словно ни на миг не забывал, что это добыча, захваченная у варваров.

Однако следует с похвалой упомянуть о другом его увлечении — книгами. Он собрал множество прекрасных рукописей и в пользовании ими проявлял еще больше благородной щедрости, чем при самом их приобретении, предоставляя свои книгохранилища всем желающим. Без всякого ограничения открыл он доступ грекам в примыкавшие к книгохранилищам помещения для занятий и портки для прогулок, и, разделившись с другими делами, они с радостью хаживали туда, словно в некую обитель муз, и проводили время в совместных беседах. Часто Лукулл сам заходил в портки и беседовал с любителями учености, а тем, кто занимался общественными делами, помогал в соответствии с их нуждами, — коротко говоря, для всех греков, приезжающих в Рим, его дом был родным очагом...

Перевод С. П. Маркиша

«Римляне на пиру». Фрагмент фрески в городе Помпеи. I век до н. э.